

© А. Д. Каксин

DOI: [10.15293/2658-6762.1904.11](https://doi.org/10.15293/2658-6762.1904.11)

УДК 811.51+37.026

Когнитивные аспекты реконструкции образа человека труда (по данным хантыйского языка)

А. Д. Каксин (Абакан, Россия)

Проблема и цель. Статья посвящена проблеме отражения в языке результатов когнитивной деятельности человека, направленной на познание самого себя. Цель статьи – определить когнитивные аспекты реконструкции образа человека труда по данным хантыйского языка.

Методология. Материалом для исследования послужили словари хантыйского языка, образцы разговорной речи, а также фрагменты из произведений художественной литературы. Основным применяемым методом – описательный.

Результаты. В результате исследования выявлены принципы языкового воплощения образа человека труда, наиболее полно реализуемые в хантыйском языке. Этими принципами являются: опора на лексико-семантическое словообразование как естественный способ категоризации, создание семантической и структурной соотнесенности между единицами текста и их подчинение целевой установке автора. Доказано, что модели номинации и характеристики человека труда в хантыйском языке обусловлены результатами когнитивной деятельности ханты. В этническом сознании закреплён именно такой прототип: человек труда – деятельный, подвижный, тесно связанный с конкретным предметом и местом.

Заключение. Автором выявлены лексические и конструктивные (проявляющиеся в тексте) единицы в хантыйском языке, обобщающие представление о человеке, занятом производительным трудом. Обоснована функциональность и прагматичность средств, выражающих идею «человек труда».

Ключевые слова: когнитивная деятельность; ментальность; концептуализация; образ человека; семантика; лексическое значение; синтаксические единицы; хантыйский язык.

Постановка проблемы

Наш подход к теме обусловлен интересом к семантической структуре слова и концептуальной сфере языка, т. е. к тем вопросам, которые являются предметом лексикологии и

концептологии. Многие идеи и положения этих двух научных разделов в равной степени актуальны при исследовании лексических единиц, причастных к вербальному выражению определенного концепта.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-012-00080 «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)»

Каксин Андрей Данилович – доктор филологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Научная литература как по одной, так и другой проблеме ('язык' в учебном процессе и при этом правильный выбор адекватных свойств искомого языка) объемна и разнообразна. Из трудов последнего времени на наше осмысление указанных проблем повлияли, прежде всего, работы о роли дидактики в учебном процессе и об эффективности метода определения средств языка, органически «стремящихся к объединению» для яркого выражения некой общей идеи (концепта).

О необходимости использования данных лингвистики в учебном процессе пишут многие исследователи как в России, так и за рубежом. Мы согласны с авторами, которые выдвигают практические положения в развитие концепции непрерывного образования для устойчивого развития. Особенно близки нам работы о поведении человека в имманентной языковой среде, содержащие рассуждения об использовании полученных данных в целях формирования социально зрелой, творческой личности [4; 8; 11; 21–22; 24].

При разработке нашего исследования мы опирались на работы, посвященные разным аспектам семантического описания единиц и явлений естественного языка. При этом необходимо отметить наше тяготение к той европейской традиции (привлекательной и многих российских лингвистов), в которой принято определять значения и семантическую структуру отдельных лексических единиц, особенно многозначных, и описывать семантическую область, в которую эти единицы входят [1; 9–10; 13; 16–17; 19–20; 23; 25–26].

При таком подходе изучаются и этимологические связи (внутри группы родственных языков), но с определенной целью – установить, связано ли историческое сохранение с

категориями, установившимися еще в языке (в древние времена, когда дистанция от логики восприятия окружающего мира до единиц языка была предельно коротка). Вот как сформулирована цель одного из таких исследований:

The aim of the present study is to describe the meanings of the single verbs of motion in North Khanty, North Saami and Hungarian from a synchronic perspective and to describe the semantic field that the verbs of motion constitute in these languages. I will also investigate what etymological connections there are to be found between the verbs of motion in the modern languages, in order to see whether historical preservation is linked to specific categories¹.

Безусловно, это интересное и продуктивное направление современной лингвистики, и такое целенаправленное погружение в семантику языка можно только приветствовать. Однако считаем, что в нашем частном случае, в аспекте реконструкции образа человека, необходимо акцентировать внимание на языковых явлениях, репрезентирующих результаты когнитивной (познавательной) деятельности и, далее, способствующих осознанию человеком «образа себя» – правильного, адекватного окружающему миру, находящегося в гармонии с ним. Работ такого плана также очень много, и в них описываются, по большей части, достаточно специфические элементы и явления: именно те, что отражают особенности той или иной языковой картины мира, фиксируют константы, имеющие глубокий смысл для представителей данного этноса [2; 3; 7; 15; 18].

Нам в частности импонирует следующая мысль, высказанная в одной из статей, авторы

¹ Söder T. "Walk This Way": Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Acta Universitatis Upsaliensis // Studia Uralica Upsaliensia. – 2001. – Vol. 33. – P. 36.

которой анализировали «текстовое представление пространственного концепта (локуса) Россия через смысловые модели, включающие абстрактное имя: Россия – безумие, счастье, любовь, совесть, сила, судьба, стихия, вечность... Проведённое на материале русской поэзии XX в. исследование показало, что перечисленные абстрактные имена воплощают поэтический локус в лексической структуре текстов на протяжении всего столетия, особенно активизируясь в «переломные точки» страны, когда необходимо философское осмысление России как ментальной сущности высшего порядка» [14, с. 130].

Определений концепта в лингвистике достаточно много, но они представляют собой ответвления от небольшого ряда типичных дефиниций. Мы придерживаемся того взгляда, что концепт – это определенная семантико-когнитивная структура, которая несет «комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»².

Концепт – ментальная структура, и в языке она воплощается в лексиконе (обычном и образно-метафорическом), мимике и жестах; часто даже молчание становится многозначительным [1, с. 62–65; 5–6; 12].

Концепты – ментальные структуры, разворачивающиеся от небольшого, вначале получаемого извне, импульса: они формируются в длительном, постепенном процессе восприятия речи и овладения языком. Процесс освоения языка ребенком начинается еще в утробе матери. Природа позаботилась о том, чтобы уже на этом этапе ребенок мог впитывать

звуки окружающего мира и распознавать среди них звучание человеческой речи.

«То, что он заговорит на языке своих близких, безусловнее всех рассуждений доказывает – язык объективен. Он дается нам в ощущении, через слух, но постигаем его мы не слухом, а всем напряжением интеллекта. И творим его в себе – не руками, а духом. С первых моментов жизни слушая звучащую речь, ребенок внутри себя строит отражение скрытой за речью системы»³.

Итак, концепты складываются постепенно, по мере взросления человека. Влияют на этот сложный процесс и коммуникативная среда (в частности, не «перебивается» ли родной язык каким-либо другим языком), разные факторы окружающей жизни. К примеру, жизнь в традиционном хантыйском обществе достаточно быстро приводит к складыванию концепта *мулты верты* (хәннэхö) ‘*трудоущийся (человек)*’, поскольку такого человека можно каждый день видеть; причем он явно противопоставлен *ял омасты* (хәннэхö) ‘*просто сидящему (человеку)*’.

Тематическая лексика современного хантыйского языка исследована и описана лучше других сфер (только модально-оценочная лексика как особая семантическая группа изучена еще слабо), но нет значительных работ по семантике отдельных лексем и лексических групп. Почти совсем не описаны те языковые явления, о которых выдающийся лингвист М. И. Черемисина писала следующее:

«Разную роль в семантической организации словарного состава играют и такие отношения, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия... Важны [и] такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы

² Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – С. 24.

³ Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2002. – С. 5.

двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации»⁴.

Рассматривая типологические черты (общие и отличительные) языков мира, можно проследить и такие типологические характеристики, которые касаются общих закономерностей семантической организации словарного состава. Заметно, что слова в разных языках не одинаковым образом объединяются в классы, соотносящиеся с морфологическими категориями или синтаксическими функциями. К примеру, в хантыйском языке нет такого явления, как организация (группировка) имен по семантическим классам, имеющая далее выход в какую-либо морфологическую категорию, но есть другие интересные семантические явления, сопоставимые с аналогичными явлениями в других языках. В частности, не раз писали по поводу большой степени детализации окружающего мира (или хозяйственной деятельности человека) в языках народов Севера. Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что наличие большого количества слов для названия *снега* – примета, прежде всего, ненецкого языка; а вот то, что «большое количество слов применяется для номинации рыболовных снастей и их деталей» – это и о хантыйском языке. Некоторые другие семантические особенности хантыйского языка (и других языков народов России) отмечены, описаны исследователями [2; 10; 13; 16; 18].

Системность организации лексики хантыйского языка можно видеть (и показать) в разных ракурсах: как обнаруживаются слова-понятия, усвоенные в раннем детстве; каков минимальный набор лексических единиц, без употребления которых нельзя адекватно рассказать о занятиях, например, рыбака; в чем

своеобразие выделяемых лексических групп; как ведут себя отдельные лексические единицы в тексте (есть ли зависимость от вида текста, его жанра, объема) и т. п.

Итак, реконструкция образа человека труда по данным языка имеет дескриптивные и когнитивные аспекты. На материале хантыйского языка дескрипция произведена в достаточной степени: имеются словари (в том числе – тематические), изданы фольклорные и авторские произведения, учебные и методические пособия, включающие фрагменты текстов, посвященных трудовой деятельности. Когнитивные аспекты названной реконструкции могут быть выявлены в результате лингвистического исследования. Только в этом случае устанавливаются глубокие связи между результатами мыслительной деятельности этноса и элементами и свойствами соответствующей языковой системы. На материале хантыйского языка такие исследования еще не проводились (проблема результативности когнитивной деятельности еще не ставилась). Таким образом, наша цель – определить когнитивные аспекты реконструкции образа человека труда по данным хантыйского языка.

Методология исследования

Материалом для исследования послужили словари хантыйского языка, образцы разговорной речи, собранные в с. Казым (1983–2001), а также предложения и мини-тексты, извлеченные из произведений художественной литературы. Основным применяемый метод – описательный: рассматриваются группы слов и фрагменты текстов, содержащих характеристику человека, занятого еже-

⁴ Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2002. – С. 76–77.

дневным трудом, анализируются их структурно-семантические особенности, способствующие вербализации искомого концепта.

Результаты исследования

О работе (профессиях) человека в словаре хантыйского языка

Основным элементом естественного языка как системы является слово: именно оно является «строительным материалом» при дальнейшем переходе к фразе (предложению) и их совокупности (тексту). В орбиту нашего исследования вовлечены слова и словосочетания, выражающие представление о человеке, занятом повседневным трудом. Многие из них формально не маркированы, и только в результате дистрибутивного анализа могут быть отнесены к средствам объективации искомого концепта. Важно и то, что картине мира ханты в целом свойственно небольшое число антагонистических пар понятий (типа *лъткаш* ‘щедрый’ – *щякар* ‘скупой’): ко многим словам-понятиям антонимы просто отсутствуют, а в целом ряде случаев пришлось прибегнуть к заимствованию, в частности, из русского языка (пары типа *лõхас* ‘друг’ – *вўрак* ‘враг’). В других случаях появляются описательные обороты (часть из них – с теми же заимствованиями): в нашем исследовании такое положение дел зафиксировано в наличии таких пар, как *рõпитты* (*хя́ннэхõ*) ‘работающий (человек)’ – *нårлы-кårлы питум* (*ут*) ‘без дела оставшийся (некто)’, *рõпатая сåмаң* ‘трудолюбивый’ – *лånь / лени-вани* ‘ленивый’, *хот õхты верат* ‘домашние дела’ – *камн тўңматты верат* ‘работы, производимые на улице’. Противопоставление *работающего* и *незанятого ничем*

человека можно представить как концепт и антиконцепт, т. е. как диалектическое единство (или как переходящие друг в друга противоположности). Иначе говоря, они «представляют собой единство тождественного и различного. Категория “единство” обозначает их принадлежность к определенной целостности, а также тесную взаимообусловленность в рамках единой системы»⁵.

Если понимать слово как номинативную единицу, можно заметить, что языки немного по-разному представляют «устройство» живого и предметного (вещного) мира, окружающего человека. По-разному «отражается в языке» и сам человек – эта многомерная, бесконечно разнообразная субстанция. При этом в каждом языке складываются свои «правила описания» человека:

«Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1, с. 3–39].

Лексика любого языка системна, но эта системность проявляется по-разному. В частности, неодинаковым бывает набор лексических оппозиций (и не всегда это только антонимы), по-разному проявляется языковой изоморфизм. Остановимся на указанных явлениях подробнее, используя материал хантыйского языка. Обращаясь в частности к тематическому словарю, можно следующим образом очертить круг лексических единиц, связанных с обозначением человека по роду занятий (профессии):

⁵ Боева-Омелечко Н. Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство // Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной

лингвистике (22–24 мая 2014 года) / отв. ред. Е. И. Голованова. – М.; Челябинск, 2014. – С. 41.

«водовоз – йиңк талляты хоят; воспитатель – ай няврэм лавалты па вэнлтаты хоят; доряка – мис пэсты нэ; зверовод – вой-хўл энмалты хоят; косарь – турн сэварты хоят; лесоруб – юх сэварты хоят; оленивод – вўлы тайты хоят; охотник – вэнт вой велпáслáты хоят; пастух – хот вой (вўлы) лавалты хоят; певец – ариты хоят; педагог – няврэм вэнлтаты хоят; пекарь – нянь верты хоят; переводчик – тулмащлáты хоят; печник – кэр омáсты хоят; плотник – хот омáсты хоят; прачка – пэсáнтылты нэ; председатель – кэща; продавец – пиркашек; тынэсты хоят; путешественник – вер эхтыйн мáнты-яңхты хоят; рыбак – хўл велпáслáты хоят; сказочник – монщты хоят; скотовод – вой-хўл энмалты хоят; сторож – хот па мулты пурмáс лавалты хоят; строитель – хот омáсты хоят; табунщик – лов пáк лавалты па нэхáлты хоят; танцор – якты хоят; телятница – ай мис энмалты нэ; учитель – няврэм вэнлтаты хоят; учительница – няврэм вэнлтаты нэ»⁶.

Как видим, большинство единиц в этом списке – сложные слова (созданные как описательные обороты: строитель = дом сажающий человек). Примечательно, что с их помощью обозначаются не только новые виды деятельности (воспитатель, телятница, учитель), но и традиционные (оленивод, охотник, рыбак). Объяснение может быть только одно: никогда повседневная работа не воспринималась как профессия, способ заработка; о том, чем занят человек, сообщалось путем употребления глагольных форм. Ср.: Ацен мулхатл тащ вошатты мáнс ‘Отец вчера стадо гнать уехал’; Тамхатлатн лув Хетта юханан велпаслал ‘В эти дни он на реке Хетте промышляет (охотничает)’; Ешавол Аса щи мánлув ‘Скоро

на Обь поедем (рыбачить)’; Лыв ин Амнэвн тухлылат ‘Они сейчас на устье Амни рыбачат (неводят)’ и т. п.

Разумеется, в хантыйском языке есть и другие лексические единицы, употребление которых позволяет кратко, емко и точно выразить представление о трудолюбивом человеке. Группировать их можно по-разному, например, по принадлежности к той или иной части речи. В частности, в тематическом словаре хантыйского языка приводятся следующие единицы:

имена существительные (в том числе в качестве определяемых в сочетаниях): *каркам хоят*, *тöса рöпитты хоят*, *яма рöпитты хоят* ‘труженик’, *нётты хоят* ‘помощник’, *пилхö* ‘товарищ’⁷;

имена прилагательные и причастия: *шакпак* ‘аккуратный, прилежный’, *каркам* ‘бодрый, ловкий’, *апраң* ‘бодрый, ловкий; старательный’, *рáхты* ‘годный’, *вещкат* ‘добросовестный; справедливый’, *вева питум* ‘изнуренный’, *вераң* ‘мастеровой’, *вева áнт йиты*, *щомлы áнт питты* ‘неутомимый’, *шон ясчун* ‘обязательный’, *ропатайл пела талты хоят* ‘ответственный’, *елли манты* ‘передовой’, *ушаң-сащаң* ‘понятливый’, *нумсы-келы* ‘смекалистый’, *муя иса кўншематы* ‘способный’, *хáрци* ‘строгий’, *ушаң* ‘толковый’, *така иньщасты* ‘требовательный’, *лўв йöрала эвалты хоят* ‘уверенный в себе’, *еллы вўратты*, *сáмл лáңхаты* ‘упорный’, *вев*, *тöймум* ‘усталый’⁸.

В лексической единице *рöпатая сáмаң хоят* ‘трудолюбивый’ одним из компонентов является заимствованное слово *рöпата* ‘работа’, но в хантыйском языке имеются также

⁶ Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект / сост. С. П. Кононова. – СПб.: Просвещение, 2002. – С. 39–40.

⁷ Там же. – С. 41–43, 50.

⁸ Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект / сост. С. П. Кононова. – СПб.: Просвещение, 2002. – С. 167–195.

единицы с исконным *вер* ‘дело’: *вераң* ‘мастерской’, *вер вёты хоят* ‘опытный’, *верлы питум хоят* ‘безработный’ и др.

Подобно всякому другому языку, хантыйский язык как средство общения является языком слов. Из слов, выступающих отдельно или в качестве компонентов фразеологических оборотов, формируются (при помощи грамматических правил) предложения. Словами в хантыйском языке обозначаются конкретные предметы и отвлеченные понятия, выражаются человеческие эмоции и воля, выражаются общие категории, определяется модальность высказывания и т. д.

Однако, несмотря на несомненную реальность слова как отдельного языкового явления, и на яркие признаки, ему присущие, оно (слово) с трудом поддается определению. Это в первую очередь объясняется многообразием слов со структурно-грамматической и семантической точек зрения. Возьмем ряд слов и сочетаний, которые могут быть представлены в тексте на хантыйском языке. Посмотрим на них ближе, проанализируем и увидим, сколь разнообразны они по протяженности, количеству слогов, морфем, по изменямости (неизменямости), по этимологии, сфере употребления, с точки зрения активности этого употребления, не говоря об оттенках значения, особенно – экспрессивно-стилистических и оценочных оттенках.

Описание «человека труда» в тексте на хантыйском языке

Далее рассмотрим примеры употребления искомым слов и словосочетаний в контексте выражения отношения человека к своему делу (труду). В следующих предложениях речь идет о рыбаках и занятии рыболовством:

– Рутьсялат па сялта еллы мәнлат. Щиты, пух, **верат си вэллийллат**⁹ ‘Отдохнут и потом дальше идут. Так вот, сынок, дела и **бывают**’.

– Ма вантэмн, нын ма тупеман **верлан яма мәнлат**, – ай няха вусилуман, лупас Петр¹⁰ ‘Я смотрю, у вас и без меня **дела хороши идут**, – добродушно посмеиваясь, сказал Петр’.

– Нәң иси па нәпекаң хә, си лаварт, вән **верат сора ухена вуллан**. Щит **ям вер**¹¹ ‘Ты, однако, грамотный человек, эти сложные **дела быстро познаешь** (букв.: в голову берешь). Это хорошо (букв.: **хорошее дело**)’.

– Ма нәмаслум, нәң мотор манэма уша паватлан. Тәм **вер эхтыйн нумасн малэн**. Па шалта моторан тәтыляты **верен нумаса ант рахал...**¹² ‘Я думаю, что ты научишь меня обращаться с мотором. Этому делу **обучишь** меня. А если (у меня) ездить на моторе **дело не пойдет...**’

– Нәң сиренан ма ләлаң елан ат омассум? Ма **са мем** сит пела **ант вэл**. Хән хоят сёмал кеман мулты верл, сирн **самал амата ийл** па ухала арсыр атум нумсат ант юхатлат¹³ ‘Потвоему, я дома должен сидеть? Мое **сердце** к этому **не лежит**. Когда человек, по своим возможностям, что-то делает, тогда его **сердце радуется**, и в голову разные плохие мысли не приходят’.

В приведенных образцах превалирует оценочная модальность (часто вводимая с помощью оборотов *ма ванттэмн* ‘я смотрю (= на мой взгляд)’, *ма нәмаслум* ‘я думаю’ и др.). Кроме них, в хантыйском языке представлено много других слов и оборотов, употребление которых позволяет рассказать о приверженности человека делу жизни, о его трудолюбии, целеустремленности, добросовестности.

⁹ Лазарев Г. Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1999. – С. 9.

¹⁰ Там же. – С. 15.

¹¹ Там же. – С. 17.

¹² Там же. – С. 17.

¹³ Там же. – С. 7.

Например, о своем призвании можно сказать так:

– Па сялта ма хул **велты хоята тывсум**. Йицк – там ма лылэм¹⁴ ‘И потом, я ведь **родился рыбаком**. Вода – это моя жизнь’.

Синонимичной приведенной является следующая фраза:

Ал омасты там ики **янт ханл**¹⁵ ‘**Просто так сидеть** этот человек **не умеет**’.

Преимственность поколений людей, желающих трудиться, быть полезными обществу именно в этом качестве, ярко выражена в заключительном диалоге книги, посвященной рыбакам:

– Сантар, няң па муя няң вулаңен пирась ики омасуптасэн рэпитты? Сыры няң луват тэтылясэн, а интам пирась ики мотор тэтыляты лэсятсэн.

Сантар елы няхман лупас:

– Ма хэн омасуптасэм. Лув, лув нумас вермал моториста вэлты. А ма космонавта питлум¹⁶ ‘– Сантар, а почему ты вместо себя старика заставил работать? Раньше ты его возил на лодке, а теперь старого человека посадил за руль.

Сантар со смехом отвечал:

– Я не заставлял его. Он сам решил быть мотористом. А я космонавтом буду’.

По этим фрагментам текста видно, что каждый признак значимой единицы хантыйского языка находится в сложной взаимозависимости с другими соотносящимися признаками. Концептуальность текста, его «внутренняя форма», его сущность проявляется в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности. Другими словами, слова в тексте «подогнаны» друг к другу.

В системе хантыйского языка чрезвычайно важна роль глагола, и большое число его словоформ употребляется в любом тексте. В частности, в текстах о человеке труда регулярно используются глаголы движения и физического действия (хотя, конечно, не исключены глаголы эмоций, говорения, интеллектуальной деятельности, других лексико-семантических групп):

Алаңа нух *питсумн*, *лэсман-ясьсумн*. Яюм-ики *лэматылилас*, *ким этас*, нымалңал *ваттас* па вэнта си вулылал *каништы шэшимас*. [Реплика героя]. Ситлан лув вутлы си *манс*. Ма, юлн *хасюм* хэ, ямкем хув карты кэр пуңалн *хошмалтыйлман омассум*, сялта *лэматылийлсум* па *ким* си *этсум*. Ньюки хотл мухалая пэшас лыпийн вулы юкана тывелт-тухэлт лэваса си *шэшилалум*. *Хэлантлум* – нэмулт сый антэ, *вантыйллум* – вулы па антэ. Камн шеңк иськи вэс, *потты* си *питсаюм*. *Нумас версум* тутьюх *сэварты*. Лаюм *алэмасум* па си *нарумсум* *эвтум* юхшэпат *ара лоңхитты*¹⁷ ‘Утром оба *проснулись*, *поели-попили*. Брат мой *оделся*, *вышел* наружу, *надел* лыжи и *пошел* в лес *искать* своих оленей. [Реплика героя]. С тем и *ушел* в ту сторону. Я, *оставшийся* дома, довольно долго *сидел*, *греясь*, у железной печки, потом *оделся* и тоже *вышел* наружу. Возле чума в ограждении, словно олень, *прогуливаюсь*. *Прислушиваюсь* – нет никаких звуков, *смотрю* вокруг – оленей тоже нет. На улице было довольно холодно, *стал* я *мерзнуть*. *Задумал* тогда дрова *рубить*. *Схватил* топор и *принялся раскалывать* нарезанные чурбаки’.

Системность в хантыйском, как и в любом другом, языке проявляется многообразно – как в больших его совокупностях (например,

¹⁴ Лазарев Г. Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1999. – С. 9.

¹⁵ Там же. – С. 19.

¹⁶ Там же. – С. 19.

¹⁷ Сенгепов А. М. Касум ики путрат. Рассказы старого ханты. – СПб.: Просвещение, 1994. – С. 12.

словообразовательная, грамматическая, лексическая системы), так и в совокупностях меньшего объема (в частности, в лексических подсистемах, основанных на тематическом признаке). Эта же системность реализуется и в разных по объему линейных группировках (текстах): для яркого выражения концепта в текст «вовлекаются» слова разных частей речи, словосочетания разного типа, фразеологические обороты.

Исследование показывает, что в хантыйском языке при описании человека труда употребляются слова разных частей речи, но преимущественно – имена существительные и прилагательные (в том числе – в составе глагольно-именных сочетаний), глаголы движения и физического действия. Глаголы эмоций, говорения, интеллектуальной деятельности, других лексико-семантических групп также присутствуют, но в меньшей мере и, в основном, в модально-оценочной функции.

Образ человека, занятого ежедневным трудом, описывается следующими средствами хантыйского языка: как любящий свою работу; как самоотверженный в труде. Эти словарные материалы и тексты могут помочь и в воспитательной работе с подрастающим поколением.

Итак, кроме семантико-грамматической деривации, есть много возможностей, которыми располагают человеческие языки для своего развития и совершенствования в лексико-семантической сфере. Хантыйский язык – не исключение: в нем, как в любом живом языке, в любой момент времени всегда присутствуют единицы (элементы) и явления, способствующие адекватному отражению особенностей окружающего мира, фиксирующие ментальные константы, имеющие глубокий смысл для представителей данного этноса. Применительно к нашей теме: лексиче-

ские единицы хантыйского языка, участвующие в реконструкции образа человека труда, следует признать сложными семантическими структурами, идеально приспособленными для выражения этого многомерного концепта *человек труда*. Структурно-семантические особенности этих единиц, заложенные в словаре как потенциальные, в полной мере проявляются в тексте, способствуя полной объективации (вербализации) искомого концепта. Разными языковыми составляющими этого концепта человек погружен в реальность окружающего мира, с их помощью он различает всевозможные действия, занятия и, самое главное, осознает влияние постигнутого знания на свой характер и на свои отношения с окружающим миром. Это знание, закрепленное в языке, вызывает необходимость активных действий, направленных на обеспечение дальнейшего хода жизни, преобразования окружающей действительности в пользу последующих поколений.

Заключение

В результате исследования выявлено два важнейших принципа языкового воплощения образа человека, наиболее полно реализуемых в хантыйском языке. Первым из них является: опора на лексико-семантическое словообразование как естественный способ категоризации. В результате выбора такой стратегии выработывается устойчивая таксономическая модель: трудовой человек, в этом своем качестве, называется (или характеризуется) путем объединения в одной синтагме названия действия и названия предмета, на который переходит действие. Образуются сложные слова типа *холуп омасты (х'аннэхö)* 'сеть сажающий (человек)', *холуп вуцкаты (х'аннэхö)* 'сеть забрасывающий (человек)', *ёхум кератты (х'аннэхö)* 'бор обходящий (человек)'.

Вторым принципом является: создание семантической и структурной соотнесенности между смысловыми и дискурсивными единицами текста и их подчинение общей идейной направленности и целевой установке автора. Во всех привлеченных для анализа фрагментах текстов обнаруживается семантическая и структурная соотнесенность элементов общей системы. Исходный общий посыл – полно и точно характеризовать человека, ответственного за результаты своего труда, выразить по-

зитивное отношение к такому человеку – мотивирует употребление адекватных средств (определенных словоформ, дискурсивных слов и синтаксических конструкций).

Таким образом, модели номинации и характеристики человека труда в хантыйском языке обусловлены результатами когнитивной деятельности ханты, в сознании которых закреплен именно такой прототип (деятельный, подвижный, тесно связанный с определенным предметом, местом, направлением).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389>
2. **Араева Л. А., Крейдлин Г. Е., Проскурина А. В.** Язык телеутов (Работа по описанию языка коренного малочисленного народа России) // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 288–292. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18137083/61/27> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30743894>
3. **Байыроол А. В., Широбокова Н. Н.** О частице ‘болза’ в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 222–232. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18137083/60/19> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29947502>
4. **Богословская З. М., Шувалова М. А., Александров О. А.** Обыденная метаязыковая рефлексия немцев Сибири: на материале полевых экспедиций в Новосибирской области // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 7, № 6. – С. 250–262. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1706.15> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30794039>
5. **Буркова С. И.** Способы выражения именной множественности в русском жестовом языке // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 174–184. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23598868>
6. **Валиулина С. В.** Языковая репрезентация молчания в невербальном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-1 (62). – С. 99–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23196760>
7. **Готовцева Л. М., Николаева Т. Н., Прокопьева А. К.** Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – № 3 (17). – С. 21–30. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-3-21-30> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30554650>
8. **Калашникова Л. А., Костина Е. А.** Психолого-педагогические подходы к понятию «социальная зрелость личности» в зарубежной и отечественной науке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 4 (32). – С. 18–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1604.02> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26583945>
9. **Кашкин Е. В.** Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. –

2017. – № 4 (18). – С. 16–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-4-16-28> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32244518>
10. **Кашкин Е. В., Кошкарева Н. Б., Буркова С. И., Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Коряков Ю. Б.** Полисемия признаковой лексики и ее отражение в диалектологическом атласе уральских языков Ямало-Ненецкого автономного округа: качественный признак ‘скользящий’ // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 209–220. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23031695>
 11. **Кобенко Ю. В.** Язык и среда: перспективы средового подхода в лингвистике // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – № 2 (16). – С. 32–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-2-32-44> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29899101>
 12. **Крапивкина О. А.** Лингвосомиотический анализ концепта и понятия (на материале текстов научного и научно-популярного дискурса) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 209–222. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1704.14> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29962710>
 13. **Крюкова Е. А.** Лингвистическая школа А.П. Дульзона: от описательной лингвистики к междисциплинарным исследованиям // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 4 (42). – С. 18–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19988613/42/3> <https://elibrary.ru/item.asp?id=26674644>
 14. **Прокофьева В. Ю., Черенкова Ю. В.** Поэтическое представление локуса Россия через абстрактное имя (на материале русской поэзии XX в.) // Вестник славянских культур. – 2014. – № 2 (32). – С. 130–140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21638561>
 15. **Селютина И. Я., Уртегешев Н. С.** Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 136–158. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18137083/59/10> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29418898>
 16. **Tatevosov S.** Event Structure And The Nenets Verb: Notes On The Actionality And Argument Realization Of The Iterative // *Linguistica Uralica*. – 2017. – Т. 53, № 3. – С. 197–225. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2017.3.04> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=31087583>
 17. **Цыпанов Е. А.** Семантическая оппозиция *керка/корка – горт/гурт* в пермских языках // *Linguistica Uralica*. – 2016. – Т. 52, № 4. – С. 266–272. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2016.4.03>
 18. **Чертыкова М. Д.** Структурно-семантическая парадигма хакасских фразеосочетаний по типу имя + сал- “положить” и имя + тут- “держать” // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 2 (20). – С. 64–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2018-2-64-74> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35331280>
 19. **Ainsworth Z.-J.** Declension Classes in Livonian – a Language-User Abstractive Approach // *Linguistica Uralica*. – 2019. – Т. 55, № 1. – С. 1–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2019.1.01>
 20. **Dalrymple M., Nikolaeva I.** Objects and Information Structure. Cambridge Studies in Linguistics. – Cambridge University Press, 2011. – 262 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511993473>
 21. **De Costa P.I., Norton B.** Introduction: Identity, Transdisciplinarity, and the Good Language Teacher // *The Modern Language Journal*. – 2017. – Vol. 101, Issue S1. – P. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.1111/modl.12368>
 22. **Greenberg M. T., Domitrovich C. E., Weissberg R. P., Durlak J. A.** Social and emotional learning as a public health approach to education // *The Future of Children*. – 2017. – Vol. 27, № 1. –

- P. 13–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/foc.2017.0001> URL: <https://www.jstor.org/stable/44219019>
23. **Habicht K., Hennoste T., Jürine A., Metslang H., Ogren D., Pärismaa L., Sokk O.** Language Change Mirroring Social Change: Constructions with saama 'get' and Non-Finite Verb Forms in Different Periods and Registers of Written Estonian // *Linguistica Uralica*. – 2018. – Т. 54, № 3. – С. 169–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.3.02>
24. **Lovat T.** Values education as good practice pedagogy: Evidence from Australian empirical research // *Journal of Moral Education*. – 2017. – Vol. 46, Issue 1. – P. 88–96. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2016.1268110>
25. **Maticsák S.** Lexical Innovations in the Erzya-Mordvin Translations of The Lord's Prayer // *Linguistica Uralica*. – 2017. – Т. 53, № 1. – С. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2017.1.01>
26. **Timár B.** The Expression of Volition in Meadow Mari // *Linguistica Uralica*. – 2018. – Т. 54, № 4. – С. 259–269. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.4.02>

Andrey Danilovich Kaksin,
Doctor of Philology, Leading Researcher,
Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology,
Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>
E-mail: adkaksin@yandex.ru

Reconstructing the image of ‘the person of work’ in the Khanty language: Cognitive aspects

A. D. Kaksin (Abakan, Russian Federation)

Abstract

Introduction. *The article investigates how the results of human cognitive activities aimed at self-knowledge are revealed in the language. The purpose of the article is to identify cognitive aspects of reconstructing the ‘the person of work’ image in the Khanty language.*

Materials and Methods. *The research data include the Khanty language dictionaries, samples of informal speech and fictional extracts. The author uses the descriptive method.*

Results. *The study reveals the linguistic principles of creating the image of ‘the person of work’ in the Khanty language. These principles include: lexical-semantic word-building as a natural means of categorization and creating semantic and structural correlations between text units according to the author’s intention. It is proved that nomination models and characteristics of ‘the person of work’ in the Khanty language are determined by the results of cognitive activity of the Khanty. The ethnic consciousness contains the following prototype: ‘the person of work’ is active, mobile, and closely linked with the particular object and place.*

Conclusions. *The author has revealed lexical and constructive units generalizing the idea of the person occupied with productive work in the Khanty language. The functionality and pragmatism of the means expressing the idea of ‘people of work’ are clarified.*

Keywords

Cognitive activity; Mentality; Conceptualization; Image of the person; Semantics; Lexical meaning; Syntactic units; the Khanty language.

Acknowledgments

The study was financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project 19-012-00080, “Cognitive and ideographic aspects of reconstruction of an image of the person according to languages of indigenous people of Siberia (on the example of the Khakass, Buryat and Khanty languages)”

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. The image of a person according to the language: An attempt to describe the system. *Questions of linguistics*, 1995, no. 1, pp. 37–67. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389>
2. Araeva L. A., Kreydlin G. E., Proskurina A. V. Teleut (the description of the language of small indigenous people of Russia). *Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 4, pp. 288–292. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18137083/61/27> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30743894>

3. Bayyroot A. V., Shirobokova N. N. On Tuvan particle "bolza". *Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 3, pp. 222–232. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18137083/60/19> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29947502>
4. Bogoslovskaya Z. M., Shuvalova M. A., Alexandrov O. A. Ordinary metalinguistic reflection of the Germans in Siberia: Based on field expeditions in the Novosibirsk Region. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, vol. 7, no. 6, pp. 250–262. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1706.15> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30794039>
5. Burkova S. I. The ways of expressing nominal plurality in the Russian sign language. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2, pp. 174–184. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23598868>
6. Valiulina S. V. Language representation of silence in non-verbal discourse. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 2-1, pp. 99–102. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23196760>
7. Gotovtseva L. M., Nikolaeva T. N., Prokopieva A. K. Basic binary concepts as fragments of the language picture of the Yakuts' world. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2017, no. 3, pp. 21–30. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-3-21-30> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30554650>
8. Kalashnikova L. A., Kostina E. A. Psychological and pedagogical approaches to the notion of “social maturity of a personality” in foreign and Russian sciences. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, no. 4, pp. 18–28. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1604.02> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26583945>
9. Kashkin E. V. Verbs of closing and opening in Western Khanty. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2017, no. 4, pp. 16–28. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-4-16-28> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32244518>
10. Kashkin E. V., Koshkareva N. B., Burkova S. I., Kazakevich O. A., Kuznetsova A. I., Koryakov Yu. B. The lexicon of qualities and its polysemy in an online dialect atlas of Yamal: The concept of ‘slippery’. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 1, pp. 209–220. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23031695>
11. Kobenko Y. V. Language and environment: Prospect of environmental approach to language studies. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2017, no. 2, pp. 32–44. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-2-32-44> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29899101>
12. Krapivkina O. A. Linguosemiotic analysis of the correlation of concept and notion (case study of scientific and popular scientific discourse). *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 209–222. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1704.14> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29962710>
13. Kryukova E. A. Linguistic school by A.P. Dulzon: From descriptive linguistics to interdisciplinary studies. *Tomsk State University Journal of History*, 2016, no. 4, pp. 18–21. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19988613/42/3> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26674644>
14. Prokofyeva V. Yu., Cherenkova Yu. V. Poetic representation of locus Russia through the abstract name (based on the XX century Russian poetry). *Bulletin of Slavic Cultures*, 2014, no. 2, pp. 130–140. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21638561>
15. Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S. Phonetic changes in the positions of sandhi in the analytical forms of the Turkic verb as a phenomenon of historical memory of the ethnos. *Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 2, pp. 136–158. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18137083/59/10> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29418898>

16. Tatevosov S. Event structure and the Nenets verb: Notes on the actionality and argument realization of the iterative. *Linguistica Uralica*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 197–225. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2017.3.04> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=31087583>
17. Tsypanov E. A. Semantic opposition Kerk / Cork - gort / gurt in Perm languages. *Linguistica Uralica*, 2016, vol. 52, no. 4, pp. 266–272. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2016.4.03>
18. Chertykova M. D. Structural-semantic paradigm of Khakass phraseology combinations of type Name + Sal- "To Put" and Name + Tut- "To Hold". *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2018, no. 2, pp. 64–74. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2018-2-64-74> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35331280>
19. Ainsworth Z.-J. Declension classes in Livonian – a language-user abstractive approach. *Linguistica Uralica*, 2019, vol. 55, no. 1, pp. 1–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2019.1.01>
20. Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and Information Structure. Cambridge Studies in Linguistics.* Cambridge University Press Publ., 2011, 262 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511993473>
21. De Costa P. I., Norton B. Introduction: Identity, transdisciplinarity, and the good language teacher. *The Modern Language Journal*, 2017, vol. 101, issue S1, pp. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.1111/modl.12368>
22. Greenberg M. T., Domitrovich C. E., Weissberg R. P., Durlak J. A. Social and emotional learning as a public health approach to education. *The Future of Children*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 13–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/foc.2017.0001> URL: <https://www.jstor.org/stable/44219019>
23. Habicht K., Hennoste T., Jürine A., Metslang H., Ogren D., Pärismaa L., Sökk O. Language Change mirroring social change: Constructions with saama 'get' and non-finite verb forms in different periods and registers of Written –Estonian. *Linguistica Uralica*, 2018, vol. 54, no. 3, pp. 169–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.3.02>
24. Lovat T. Values education as good practice pedagogy: Evidence from Australian empirical research. *Journal of Moral Education*, 2017, vol. 46, issue 1, pp. 88–96. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2016.1268110>
25. Maticsák S. Lexical innovations in the Erzya-Mordvin translations of the lord's prayer. *Linguistica Uralica*, 2017, vol. 53, no. 1, pp. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2017.1.01>
26. Timár B. The expression of volition in Meadow Mari. *Linguistica Uralica*, 2018, vol. 54, no. 4, pp. 259–269. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.4.02>

Submitted: 19 April 2019

Accepted: 08 July 2019

Published: 31 August 2019

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).